

НИКОЛАЙ ПЛИСКО

АВАНТЮРА-44

К истории Варшавского восстания 1944 года

Вместо предисловия

О Варшавском восстании 1944 года за послевоенные годы много написано. Выходили десятки книг, сотни статей, воспоминаний и интервью с самыми разнообразными участниками восстания.

Приложили руку к этому событию и польские киношники. Тема оказалась весьма благодатной, да и фильмы были сделаны талантливо. Прекрасные актеры великолепно показали героизм польского народа, его способность к самопожертвованию и подвигу во имя свободы отчизны. Не показали авторы фильмов только одного: почему же проиграли такие прекрасные люди и настоящие герои? Кто виноват в поражении восстания?

Этот самый важный вопрос старательно обходится в большинстве публикаций, посвящённых восстанию, и совершенно забыт в фильмах. Видя героическую борьбу повстанцев, зритель получает сильное эмоциональное воздействие, ему кажется, что всё было прекрасно спланировано и первое время шло отлично, но вот русские не захотели помочь, и немцы жестоко подавили восстание польских патриотов.

О том, что восстание было чистой политической авантюрой группы проигравшихся политиков, в Польше сегодня просто боятся говорить. Вспоминают об отдельных эпизодах, но никто не говорит о главном: зачем было устроено это восстание, за что погибли более двухсот тысяч (!) варшавян, кто толкнул их на эту авантюру, какую пользу оно принесло польскому народу.

Ведь, по сути, это был тот же бездарный и совершенно неорганизованный бунт, что и Январское восстание 1863 года. И, как и в том бунте, пострадали, в основном, его рядовые участники, искренне поверившие пылким речам политических демагогов.

ПЛИСКО Николай Леонидович родился в Москве, окончил факультет журналистики МГУ. Автор нескольких сотен статей, очерков и интервью. Написал пятнадцать книг и перевел с английского, французского и польского языков свыше сорока книг. Член Союза писателей СССР. Заслуженный работник культуры Польши. Живёт в г. Гданьске (Польша). Публикуемая работа является сокращённым журнальным вариантом большого исторического исследования автора, посвящённого истории советско-польских отношений.

В этой работе сделана попытка посмотреть на истоки Варшавского восстания в свете недавно рассекреченных архивных документов и воспоминаний участников событий.

1. Не пустить русских в Европу!

В конце 1943 года проблемы послевоенной Европы стали всё больше заботить англичан, военный кабинет Черчилля. Если в 1941 году ещё были серьёзные опасения, что, в случае поражения России, неминуем и разгром Англии, то вскоре, стало ясно: Советская Россия оказалась куда сильнее, чем думали, и мощь её всё возрастает... И то, что казалось таким отдаленным ещё год назад, требовало сейчас немедленного вмешательства. Теперь приходится страшиться не поражения России, а её сокрушительной победы над фашизмом.

В связи с этим положение в Польше всё больше тревожило Лондон и Вашингтон. Советские армии вплотную приблизились к польским границам, и теперь нельзя было медлить ни одного дня. Невозможно было допустить, чтобы страна ушла из-под влияния Запада. Как и до войны, Польша должна быть первым и главным заслоном от большевистской опасности. А сейчас, с приближением советских войск к старой польской границе, эта опасность с каждым днём возрастала. Но если в Польше придут к власти сторонники довоенного режима, то вступление русских в Европу будет затруднено – считали англичане.

Значит, надо немедленно предпринять практические шаги в этом направлении, и действовать решительно. А советские войска уже завязали бои на территории Польши...

Попытки остановить русских в их триумфальном наступлении делались и раньше. Первой из них был разработанный Черчиллем “балканский вариант”. Выглядел он красиво: англо-американские войска высаживаются в Греции и острым клином стремительно идут на север – занимают Вену, пересекают Польшу и доходят до Балтики, ставя на пути “большевистских орд” непреодолимый заслон. Серьёзного противодействия германских войск не ожидалось – на Балканах их было мало, а итальянцев и венгров, союзников Гитлера, в расчёт можно было не принимать. В качестве ударной силы можно использовать польскую армию генерала Андерса, сформированную на советской территории и предусмотрительно, ещё в 1942 году выведенную из России. В конце концов, именно англичане настаивали на её эвакуации, не зря они так заботились о ней, даже форму полякам сшили из своего добротного сукна, но по польским образцам – словно по головке погладили...

Только вот в ответ на предложение Черчилля произвести высадку десанта в Истрии, захватить Триест и вторгнуться с юга в Центральную Европу американский президент Рузвельт с иронией ответил: “Я всегда помню элементарное правило геометрии – прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками”. Этим он подчеркнул, что настаивает на вторжении в Южную Францию – это кратчайший путь до Берлина. Так рухнул план Черчилля прорваться на Вену и дальше на север, к Балтике, чтобы оказаться там раньше русских.

Но в Лондоне рассматривались и другие варианты. Нелишним казалось создать на востоке Европы некое новое славянское государство, естественно, под руководством Великобритании. Это стало бы новым воплощением старой идеи о создании “санитарного кордона” против большевиков.

Базой такой федерации, враждебной Советскому Союзу, могли бы быть Польша и Чехословакия. Оба эмигрантских правительства этих стран ютятся в Лондоне и получают здесь жалование. С ними договориться легко...

Такое новообразование Черчилль, не открывая, естественно, его враждебности к СССР, назвал “объединением придунайских стран”. Он огласил эту идею на Тегеранской конференции глав трёх государств, одновременно предложив после войны передать Восточную Пруссию Польше.

Сталин прекрасно понял затаенное желание британского премьера и решительно ему воспротивился. Советского лидера поддержал и Рузвельт. Единственно, на что пошёл Сталин тогда, это поделить территорию бывшей Восточной Пруссии между СССР и Польшей. Это не отвечало желанию Рузвельта, но он согласился со Сталиным.

Затем появился ещё один план, выдвинутый какими-то горячими головами: высадить в Польше британский воздушный десант. Но эту идею даже не стали обсуждать на заседании военного кабинета — практически осуществить её было невозможно, десант был бы сразу же уничтожен немцами после приземления, ведь поддержки ему оказать было нельзя.

Оставался единственный вариант — опередить русских и захватить Варшаву внутренними польскими силами, подконтрольными Лондону. Нельзя допускать, чтобы просоветское правительство во главе с Берутом, созданное в Люблине, обосновалось в Варшаве. Давно известно, что власть принадлежит тем, кто занимает здание правительства...

Значит — придётся делать ставку на “здоровые силы” Польши, как с пафосом любили называть себя польские эмигранты. Именно теперь особенно пригодится эмигрантское правительство, уютно угнездившееся в Лондоне. Его вполне можно считать “здоровыми силами”, враждебными Советскому Союзу. Оно здесь, под рукой, и вполне доказало свою послушность и управляемость. На этом варианте и решили остановиться.

В Лондоне очень надеялись, что русские вряд ли подозревают, какая пилюля ожидает их в Варшаве. Генерал Коморовский получит задание поднять там восстание, как только русские войска приблизятся к городу.

Черчиллю нравилось и поведение премьер-министра эмигрантского правительства Миколайчика: он ведёт себя как дрессированный пёс. К приходу русских в Варшаве будет существовать правительство, угодное Лондону. Надо только заранее послать в Варшаву несколько будущих министров...

И Миколайчик, и Сикорский поняли Черчилля с полуслова. Такие вещи им не нужно было долго разъяснять. Хорошо подготовленная польская эмигрантская почва с восторгом приняла брошенные в неё Черчиллем семена. Вскоре они дали богатые всходы.

В польском подполье, в самой Польше, тоже понимали, что международная обстановка стремительно меняется. Реальность происходящего совершенно не соответствовала прогнозам лондонских эмигрантских политиков. У руководителей подполья появились серьёзные опасения относительно своего ближайшего будущего. Ещё 19 июня 1943 года, незадолго до своего ареста гестапо, командующий Армии Крайовой (АК) генерал Ровецкий (“Калина”) отправил Верховному главнокомандующему польскими вооружёнными силами генералу В. Сикорскому в Лондоне очень важное письмо, касавшееся польско-советских отношений. Он писал: *“Я отдаю себе отчёт в том, что политические обстоятельства могут вынудить Правительство заявить о желании достичь договоренности с Россией даже при отсутствии веры в возможность таковой в данный момент. Считаю, что эта готовность к соглашению должна поддерживаться решительной позицией Государства, что соглашение возможно только в случае признания наших восточных границ до 1939 года, а также обеспечения полного суверенитета Речи Посполитой...”*

Интересно, кто же должен будет обеспечивать этот “полный суверенитет”? Лондонские господа в потёртых фраках?..

“... С чисто военной точки зрения, необходимо, скорее всего, готовиться к худшей для себя возможности, а именно видеть в России, скорее всего, нашего врага, а не союзника. Единственной целесообразной и обоснованной позицией в отношении к России является, кроме того, и наша реально существующая оборонительная позиция, а именно, принципиально враждебная... Калина”.

В ответ на это послание польское эмигрантское правительство в Лондоне направило генералу Ровецкому директиву, в которой говорилось, что если советские войска, изгоняя оккупантов, войдут в пределы границ Польши, то **“вступление Красной Армии как враждебный акт должно встретить с нашей стороны вооружённый отпор”** (выделено автором).

Ровецкий издал приказ, в котором ставилась задача: *“... задержка продвижения русских войск путём уничтожения коммуникаций вплоть до линии Вислы и Сана; борьба везде, где будут существовать для нас хотя бы минимальные шансы; там, где этих шансов не будет, оставляя в подполье вооружённые отряды, готовые к выступлению против России в нужный момент по приказу главнокомандующего”.*

В соответствии с этими распоряжениями в тылу советских войск были осуждены ушедшие в подполье части АК и несколько десятков подпольных радиостанций.

Но дело застопорилось. При помощи агентов, обильно внедренных в руководство АК, немцы арестовали Ровецкого и поместили в концлагерь Заксенхаузен. Там с ним стала проводиться определенная работа. Убежденность польского генерала в том, что у Польши и Германии один враг – Россия, очень нравилась немцам.

Ровецкому приказали составить письменную справку о деятельности и структуре АК. Это было нужно Гимmlеру – он уже тогда задумывался о создании отрядов вервольфа – немецких партизан. Польский генерал образцово выполнил задание; он надеялся, что с немцами, как и раньше, АК найдёт общий язык.

Но о возне с поляками узнал Гитлер, и Гимmlеру пришлось отказаться от тесного сотрудничества с АК. Ровецкий стал больше не нужен, и его весьма буднично пристрелили.

Новый командующий АК генерал Бур-Коморовский во всём следовал линии своего предшественника. На одном из подпольных совещаний осенью сорок третьего года он призывал: *“Чем дальше находится русская армия, тем лучше для нас. Мы не должны поднимать восстания против Германии до тех пор, пока она держит русский фронт, а тем самым и русских вдали от нас...*

Следующим выводом является то, что мы должны быть готовы оказать вооружённое сопротивление русской армии, вступившей в Польшу... Мы хотим избежать борьбы с немецкой армией... В данном случае ослабление Германии как раз не в наших интересах”.

И генерал Окулицкий, начальник запасного штаба Армии Крайовой, созданной на случай провала генерала Бура, дал в это время следующую директиву командирам подпольных частей: *“Всем вашим подчиненным должно быть разъяснено, что большевики продолжают оставаться врагами Польши. Они хотят превратить Польшу в свою республику, чтобы потом сослать всех поляков в Сибирь”.*

Через своих агентов эту директиву получило и гестапо, чему очень обрадовалось. Были и донесения в Лондон о деятельности Армии Крайовой и положении в стране.

2. Подготовка к “Буре”

Весной 1944 года с аэродрома Бриндизи в Южной Италии поднялся английский самолёт. Спустя несколько часов он был уже в районе Варшавы. Стояла глухая ночь. Штурман дал сигнал, и группа парашютистов покинула самолёт. На земле их встретили связные из Армии Крайовой и доставили в варшавский пригород на нелегальную квартиру.

Это и были лондонские министры. Вместе с ними в Варшаву прилетел английский советник, выдававший себя за лётчика, бежавшего из немецкого плена.

К приходу во власть эмигрантское правительство готовилось активно. Конечно, не обошлось тут и без традиционного шляхетского хвастовства. Лондонцам не терпелось показать, что они располагают собственной и значительной вооружённой силой. Ведь уже к концу 1940 года мелкие группы и организации, имевшие связь с лондонскими поляками и им подчинявшиеся, стали называться “лондонским правительственным подпольем”, а самые развязные эмигрантские публицисты даже выдумали хлесткое название – “польское подпольное государство”.

Это виртуальное псевдогосударство состояло из трёх основных элементов: военной организации (Союз вооруженной борьбы – Армия Крайова), элементов подпольного государственно-административного аппарата и некоторых патриотических, чаще всего молодёжных, организаций. Подпольной жизнью должна была руководить Делегатура правительства в стране, представляющая собой подпольный административный аппарат.

По польской традиции в этой подпольной администрации были представители всех крупных довоенных политических партий. Естественно, что и сюда они принесли свои партийные разногласия, споры и склоки. Но все эти организации провозглашали громкие патриотические лозунги, призывавшие к борьбе с оккупантами за независимость, что обеспечивало им поддержку разных слоёв населения и общественных классов. Особенно подобные громкие слова действовали, как и всегда, на политически незрелую, но патриотически настроенную молодёжь.

Принципиальной целью АК была подготовка условий для захвата власти в освобожденной Польше эмигрантским правительством. И самым удачным способом достижения этой политической цели считалось всеобщее восстание, которое должно начаться по приказу Главной комендатуры АК.

Летом 1943 года всем стало совершенно ясно, что фронтом, который принесёт освобождение Польше, будет Восточный фронт. Это решительно подтверждали и штабы союзников, признавая польскую территорию за часть стратегической территории Красной Армии, с которой и следовало согласовать сферу деятельности АК и от которой можно было получить непосредственную помощь. Несмотря на явную необходимость приспособить свою деятельность к совершенно новой ситуации, доктрина двух врагов, являвшаяся идеологическим компасом руководящих кругов пролондонского подполья, была ни только не отброшена, но даже и не пересмотрена.

Осенью 1943 года руководство АК разработало план усиления военно-диверсионных действий (План “Буря”). Составленный в тиши лондонских кабинетов, план был строен, конкретен, даже красив, но – совершенно нереален. Согласно ему, объектами ударов должны стать последние части немецких войск, изгоняемых с польской земли Красной Армией.

Политической целью плана было захват местностей и важных территорий до вступления туда советских войск и появления перед ними в роли хозяев этих территорий и представителей лондонского правительства. Это был более узкий проект, чем предыдущий план всеобщего восстания, он постепенно должен был охватывать районы перемещающегося фронта, захватывая освобождённые местности. План предусматривал, что после отступления немцев из небольших польских городов и селений, и до того как туда войдут советские войска, надо установить там власть эмигрантского правительства. Пришли русские – а мы уже тут, мы – начальство. И без нашего разрешения – ни-ни...

Однако тактика выжидания совершенно не соответствовала желанию активной борьбы молодых солдат польского подполья. И это несоответствие политических целей начальников с желанием готовых к восстанию масс было особенно заметно в связи с призывами левых сил активно бороться с оккупантами. Это быстро поняли в Лондонском польском гетто. В “Информационном бюллетене” от 1 апреля 1943 года появилась программная статья: “Вооружённая акция? Да – но ограниченная!”

3. “Без русских армий Польша была бы уничтожена...”

Реальную цену своим польским лондонским союзникам англичане прекрасно знали. Их уже не удивляло кичливое хвастовство и непомерные амбиции проигравшихся польских политиков. Но, когда те перебирали, англичане реагировали достаточно остроумно.

В январе 1944 года всю британскую печать обошла злая карикатура, представляющая наступающих чрез снежные сугробы измученных в боях советских солдат – и закутанного в теплую роскошную шубу поляка, загораживавшего им путь и державшего в руках целую кипу карт, меморандумов и пактов. Это была прекрасная иллюстрация к средневековому шляхетскому “Не позволяем!”. Главари польской эмиграции на эту карикатуру никак не отреагировали, скромно промолчали. И это было понятно: у польского правительства для скромности были все основания.

Однако отмалчивались они недолго. С настойчивостью, достойной лучшего применения, они продолжали бомбардировать английский кабинет своими требованиями. В конце концов Черчиллю это надоело, и 7 января 1944 года, чтобы приструнить своих польских клеветов, премьер направил специальную записку по этому вопросу в английский МИД.

На польское давление и шантаж премьер-министр Англии ответил довольно жёстко:

“...Без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не смогли бы этого сделать... Они (поляки), должно быть, очень глупы, воображая, что мы собираемся начать новую войну с Россией ради польского восточного фронта. Нации, которые оказались не в состоянии защитить себя,

должны принимать к руководству указания тех, кто их спас и кто предоставляет им перспективу истинной свободы и независимости”.

Получив такое послание, польские лондонцы несколько притихли, и главным аспектом деятельности АК стало обучение кадров, саботаж и разведка в пользу союзников (англичан, исключительно), а с весны 1943 года ограниченные партизанские и диверсионные действия – в основном в характере самообороны, а в городах – отдельные покушения.

Этой ограниченной борьбой руководил созданный в конце 1942 года специальный отдел, названный “Руководство диверсиями” (сокращенно – Кеды), его личный состав набирался, в основном, из молодёжи.

Они слепо верили своим наставникам. Особенно “хорошо” эти ребята проявили себя в день начала Варшавского восстания. Они вламывались в квартиры, где находились семьи немцев и украинцев, – мужчины по тревоге заняли свои боевые посты, – и вырезали всех поголовно, не щадя ни женщин, ни детей. Действовали только холодным оружием – патроны надо было беречь, их было мало.

Получив щелчок от Черчилля, лондонские поляки метнулись за помощью к Соединённым Штатам, послав туда специальную делегацию во главе с новым премьер-министром. Миколайчик в тот момент чувствовал себя крупным политическим деятелем, спасителем несчастного отечества. Сколько их уже было в польской истории!

С поездкой в США польский премьер очень торопился – стало известно, что в ближайшее время в Москву на переговоры отправляется американский госсекретарь Хелл. Это надо было использовать. Перед самым отъездом Хелла в Москву в госдепартамент явился польский посол Цехановский. Он передал американцам меморандум правительства Миколайчика.

Госсекретарь США Хелл летел в Москву вместе с министром иностранных дел Великобритании Иденом и прямо в самолете познакомил англичанина с содержанием документа. В меморандуме высказывалась мысль, что для послевоенной Европы будет крайне нежелательным вступление советских войск в Польшу. Чтобы предупредить это, авторы меморандума предлагали заранее разместить там англо-американские части.

Для этого следовало договориться с русскими, нажать на них, пригрозить, что в случае неблагоприятного ответа может задержаться открытие “второго фронта”, прекратятся военные поставки... Американцам идея понравилась, но на московском совещании советская сторона наотрез отказалась даже вести переговоры на эту тему.

Впрочем, американцы и сами давно втайне вели подготовительную работу по проникновению в Польшу и противодействию советскому там влиянию. Уже в конце 1942 года в США началась активная подготовка агентов для заброски в Польшу.

Довольно типичной была в этом отношении история двух молодых поляков, американских граждан. Когда в конце 1941 года США вступили в войну, их призвали в армию, а затем зачислили на курсы, организованные Управлением стратегических служб. Там их стали обучать в качестве радистов для нелегальной заброски в Польшу. Курсантов обучали прыжкам с парашютом, приёму и передаче радиogramм. Им читали лекции по истории Польши с националистических, антирусских и антисоветских позиций. Преподаватели объясняли, что польское эмигрантское правительство в Лондоне добивается, чтобы в результате этой войны с помощью Англии и США была создана “Великая Польша – от моря и до моря”.

Нескольких учащихся курсов так возмутили эти действия, что они решили в знак протеста прервать учёбу, и хотели подать рапорты командованию с просьбой их отчислить. Но затем приняли другое решение. Двое курсантов пришли в советское посольство в Вашингтоне и принесли карту такой “Великой Польши”, в которую включалась не только Западная Белоруссия и Западная Украина, но и большая часть Южной Украины, в том числе вся Одесская область.

Это было уже второй попыткой американцев проникнуть своими вооружёнными силами в Россию. Когда Япония атаковала Пёрл-Харбор, начав войну с Соединёнными Штатами, в США прибыл новый посол Советского Союза Максис Литвинов. Госсекретарь Хелл возлагал большие надежды в связи с этим приездом. Сейчас Москва становилась союзником США, и американский чиновник решил воспользоваться моментом.

Прежде чем принять русского дипломата, Хелл долго консультировался с представителями Пентагона. Пришли к единому мнению — на русских следует оказывать давление. Может быть, поляки правы? Надо потребовать от русских военные базы на Камчатке и под Владивостоком.

Это имеет не только стратегическое значение. Наличие американских баз на советском Дальнем Востоке позволит быстрее втянуть Россию в войну с Японией. Если Литвинов станет упираться, ему придётся намекнуть, что от этого будут зависеть размеры американской военной помощи русскому союзу...

Но Литвинов ответил решительным отказом.

— Мы не торгуем недрами, мистер Хелл, — сказал он, — так же, как базами. Давайте говорить о прямых кредитах.

Хелл вспомнил переговоры с Черчиллем об английских базах, отданных в обмен на старые американские эсминцы. Черчилль был куда сговорчивее...

Нет, всё-таки странный народ эти русские!..

4. Ловушка в Варшаве

Среди польской эмиграции у англичан, естественно, были свои осведомители. Секретарь Миколайчика частенько заглядывал к полковнику Перкинсону, который возглавлял один из многочисленных отделов “Интеллидженс сервис”. Порой секретарь просто выполнял поручения своего английского шефа.

Поэтому секретный приказ генерала Бур-Коморовского, который возглавлял подпольную Армию Крайову в Польше, сразу же попал к английскому руководству и лёг на стол Черчилля. В этом приказе за № 16 главком подпольной армии предписывал своим людям беспощадно расправляться с польскими и советскими партизанами — со всеми, кто поддерживает русских. Для этого следовало вступать в деловые отношения с НСЗ (Народовы Силы Збруйне) — национальными вооружёнными силами, польскими фашистскими отрядами, связанными с гестапо, пользоваться их услугами.

А через несколько дней агент принёс своим английским хозяевам новый приказ генерала Бур-Коморовского. Теперь он приказывал своим подпольным штабам просто объединиться с НСЗ. “Это внесёт в ряды Армии Крайовой новый дух”, — писал генерал в приказе. Польский генерал не стеснялся вступать в сговор с немцами.

Следующий приказ по Армии Крайовой требовал оказывать сопротивление частям Советской Армии, которые уже вступили в Польшу. Польский генерал прямо приказывал своим подчинённым стрелять в спину советским солдатам. Вскоре стали поступать оперативные донесения: начальник диверсионного отдела штаба Армии Крайовой полковник Филдорф приступил к работе. В тылу Советской Армии начались диверсии и убийства советских солдат и офицеров.

Несмотря на различие в тактике и трения между отдельными главарями эмиграции в Лондоне и подполья в Польше, всё руководство эмигрантских группировок было едино в своём стремлении достичь главной цели: удержать власть в Польше в руках национальной буржуазии. Но их вожаки понимали, что после образования Польского Комитета Национального Освобождения (ПКНО) и поддержки его Советским Союзом захватить власть на условиях прямой конфронтации с СССР будет нелегко или вообще невозможно. Поэтому они стремились создать такую ситуацию, которая побудила бы западные державы оказать давление на СССР и вынудить его пойти на уступки в пользу эмигрантского правительства. А с этим правительством СССР уже год как разорвал дипломатические отношения.

Эмигрантское правительство в Лондоне решило предпринять что-нибудь экстраординарное, чтобы заставить “безучастный” Запад возмутиться. Когда политические результаты “Бури” не оправдали надежд, возникла необходимость организовать “событие особого значения”. Ещё до начала восстания из Лондона в Польшу прибыл связной главного штаба АК Ян Новак. В своих воспоминаниях он откровенно пишет о беседе с генералом Окулицким, состоявшейся незадолго до начала восстания:

“Во время разговора о восстании Окулицкий обмолвился об одном моменте, совершенно для меня новом. Буквально в последние недели перед восстанием было принято решение о передислокации штаб-квартиры и командования АК с Мокотова на фабрику Камлера на Воле (западная часть Вар-

шавы), хотя помещение на Мокотове уже давно готовилось на случай всеобщего восстания.

Воля было районом городской бедноты, местом жительства железнодорожных служащих, рабочих депо и мелких торговцев. Эта часть Варшавы с её старенькими кирпичными домиками, лавчонками и какими-то заброшенными складами имела большое значение для повстанцев, поскольку господствовала над всей западной частью города, над железной дорогой, соединяющей польскую столицу с Познанью и Берлином. Вероятнее всего, именно отсюда будут поступать германские подкрепления для борьбы с повстанческой армией. Этот район граничил с еврейским гетто.

Выбрали именно фабрику Камлера, так как комплекс её зданий лучше подходил для опорного пункта сопротивления и мог выдержать какое-то время небольшую осаду. Здесь должен был разыгаться последний акт восстания – легализация перед входящими русскими как полноправных хозяев на польской земле вице-преьера – делегата правительства, трёх министров, председателя Рады Едности Народовой и командующего АК вместе со всем штабом.

После занятия Варшавы советскими войсками фабрика Камлера в ходе переговоров с русскими должна была представлять собой как бы экстерриториальный анклав. При этом никто не имел ни малейших сомнений, что вся группа будет тут же арестована”.

И вот тогда, заявил далее Окулицкий, гарнизон фабрики должен оказать сопротивление. Поэтому в него включились отборные и наилучшим образом вооружённые отряды “Кедыва”, то есть боевой диверсионной службы, он располагал также мощной радиостанцией, с тем чтобы вовремя дать сигнал “SOS!” в Лондон и вызвать там, как буквально сказал генерал, “скандал мирового масштаба”.

Похоже, генерал Окулицкий действительно искренне верил, что Запад только и думает о том, как помочь польскому эмигрантскому правительству вернуться к власти, и для этого западные державы могут даже вступить в вооружённое противостояние с Советским Союзом. Совершенно ясно, что лондонские польские провокаторы готовили для командования Советской Армии, освобождавшей Варшаву от гитлеровцев, политическую ловушку.

Советское командование должно было либо согласиться с существованием экстерриториального анклава эмигрантского правительства и тем самым фактически признать его власть или хотя бы легальное существование его в Польше, либо ликвидировать его силой оружия, что имело бы весьма сложные международные политические последствия.

Возможно, пониманием этого щепетильного момента и объясняется решение советского и польского командования о направлении 1-й армии Войска Польского на Магнушевский плацдарм, южнее Варшавы, с тем чтобы именно она первой вступила в столицу. Решение проблемы в этом случае оказалось бы в руках самих поляков и утратило бы международный характер. Но это, одновременно, говорило и об успехах советской разведки. Она прекрасно знала, что происходит в эмигрантском Лондоне.

Взять власть в столице Польши и создать там нечто вроде временного правительства считалось наиболее эффектной демонстрацией. Появление этого правительства в роли хозяина столицы и, следовательно, страны должно было поставить КРН и ПКНО, а также Красную Армию перед совершившимся фактом, последствия которого были бы необратимы.

5. Накануне начала

Началась усиленная подготовка к Варшавскому вооружённому восстанию. Она продолжалась довольно долго. Из Англии небольшими партиями доставлялись боеприпасы и оружие, которые сбрасывались на парашютах и затем размещались в тайных складах.

Цели восстания были чёткими и конкретными: не только захватить город и удерживать несколько часов до занятия его частями Красной Армии; первоочередным заданием был захват помещений правительства и министерств. После освобождения Варшавы сюда должно было немедленно прибыть польское эмигрантское правительство во главе с Миколайчиком. Руководящая роль в планируемом восстании принадлежала организации АК, остальные же

организации сопротивления, в том числе и демократические, не были в курсе событий.

В момент вступления Красной Армии в город восставшие должны во всеуслышание объявить, что власть в столице, да и во всей стране, принадлежит эмигрантскому польскому правительству в лице Армии Крайовой.

Правда, как вспоминали после войны уцелевшие участники восстания, никакого конкретного плана боевых действий разработано не было. Это и подтвердилось в первые же часы восстания. Не заняли ни одного вокзала, не взорвали железнодорожные пути, дав немцам возможность свободно использовать их весь период восстания. Не были заняты мосты, Костюшковская набережная вдоль Вислы и автострада вдоль реки оставлены в немецких руках. Словом, не занято ни одного пункта, имеющего стратегическое значение.

Почти на всех улицах города были построены баррикады. Но строило их гражданское население, в большинстве случаев без военного руководства. Баррикады не были укреплены, часто безо рвов, и для танков не представляли никакого препятствия; использовать их можно было только для защиты от ружейного огня, которого почти не было, потому что немцы пехоту в атаку не посылали.

Вооружение отрядов АК состояло в лучшем случае из автоматов и винтовок, а очень часто — из одних пистолетов и гранат. Во многих отрядах вооружена была только некоторая часть солдат, остальные ждали момента, когда после ранения или смерти товарища смогут получить его оружие. Станковых и ручных пулемётов почти не было.

По разным сведениям, явно завышенным, на момент начала восстания командование АК располагало в Варшаве примерно 16 тысячами человек, а вооружения, причем исключительно так называемого личного оружия, имелось лишь для 3,5 тысячи. Боеприпасов было только на несколько дней борьбы...

21 июля 1944 года командующий Армией Крайовой генерал Бур-Коморовский издал приказ о состоянии ожидания сигнала к восстанию с часа ночи 25 июля. Это решение было утверждено в ночь с 23 на 24 июля Главной комиссией Рады Едности Народовой (Совет национального единства).

Польские лондонцы больше всего боялись, как бы Красная Армия и Войско Польское не вошли первыми в Варшаву и не оставили бы их не у дел.

Вопрос о восстании в Варшаве стал предметом совещания эмигрантского правительства в Лондоне 25 июля 1944 года, которое приняло решение предоставить высшему политическому представителю польского эмигрантского правительства в оккупированной Польше право начать восстание в любой выбранный им момент.

Но в те дни лондонцы решили подстраховаться и с ещё одной стороны. Одним из последних шагов делегата Янковского, председателя РЕН Пужака и генерала Бур-Коморовского перед назначением окончательного момента начала восстания была передача в Лондон 28 и 30 июля двух радиogramм. В первой предлагалось направить в Польшу либо миссию, либо наблюдателей западных государств с аккредитацией их при "экспозитуре правительства".

Во второй депеше содержалось требование признать администрацию, созданную Делегатурой, "польской секцией АМГОТ" (Военная администрация на занятых войсками союзников территориях), то есть военной администрацией для территорий, оккупированных западными державами, а АК считать составной частью западных союзных армий. Предлагалось, кроме того, отдать под опеку "англосаксонских органов" лиц, задержанных советскими властями.

Готовность буржуазных политиков взять на себя роль оккупационной администрации западных держав в собственной стране должна была остаться в рамках конфиденциальной зашифрованной радиопереписки. Содержание этого документа было известно лишь узкому кругу лиц и держалось в тайне даже от самых доверенных людей. Это было свидетельством умонастроений и морали людей, принимающих решение о вооружённом выступлении в столице Польши.

Польский посол Э. Рачинский уже на следующий же день передал текст последней депеши правительству Великобритании. Ответа не последовало. Англичане к тому времени приобрели достаточный опыт в общении с польскими эмигрантами. Знали они и о неистребимой тяге поляков-эмигрантов к контактам с немцами.

Это их не удивляло. Это было не ново. Этого даже ожидали.

В своё время Юзеф Бек, ставший варшавским министром иностранных дел, спокойно продавал абверу французские военные секреты. Он был тогда польским военным атташе в Париже. За это его и выслали. Официально, правда, объявили, что господин Бек высылается из французской столицы за некоторые недоразумения в ходе карточной игры... Французы учли, что скандальный офицерик был любимчиком Пилсудского.

А генерал Бур-Коморовский, находясь в подполье, каким-то образом сумел “принять участие” в немецком “расследовании катынского расстрела”. Видимо, в связи с этим Гиммлер и освободил из плена сына Миколайчика. Как говорится – услуга за услугу!

Это было совсем недавно. Впрочем, британская разведка тоже приложила к этому руку. В марте сотрудница аппарата Миколайчика Мария Гулевич, работавшая в английской разведке в Будапеште, помогла переправить Миколайчика-младшего в безопасное место. Она же связалась с венгерской разведкой, которая просила у Бур-Коморовского людей для разведки в тылу советских войск.

Люди в Лондоне, принимавшие решение о восстании, знали, что, в силу договоренности между руководителями стран антигитлеровской коалиции, территория Польши входит в оперативную сферу советских войск и что повстанцы не получат реальной помощи с Запада. Но это их не остановило.

Прилетевший 26 июля (до начала восстания) в Варшаву из Лондона эмиссар генерала Соснковского Ян Новак лишь на третий день информировал генерала Бур-Коморовского, генерала Пельчинского и других руководителей АК, что они не могут рассчитывать на сбросы оружия и высадку польской парашютной бригады. А ведь высадка польских десантников в Варшаве было хрустальной мечтой лондонских польских политиков!

Но это не повлияло на окончательное решение командования АК. Хотя от рядовых сторонников правительства в стране скрывалось, что 29 июля британские военные власти отказали в какой-либо помощи Варшавскому восстанию, если бы таковое вспыхнуло. Это известие дошло до Варшавы только 6 августа 1944 года.

Словом, англичане не отговаривали поляков поднимать восстание в столице, но отказывали им в помощи, подчёркивая, что она невозможна в советской оперативной зоне, и, по существу, старались от него отмежеваться.

Вопросы организации восстания они оставляли польским властям, косвенно рекомендуя скоординировать его с действиями Красной Армии. Но польские политические лидеры в Лондоне и Польше полностью отбрасывали такую возможность.

Командование АК и его аппарат пропаганды старались убедить всех, что отступление немцев перед приближающейся Красной Армией – вопрос нескольких дней, если не часов. Хотя на основании разведанных АК с начала июля, а потом из сообщений радио, можно было в целом сориентироваться относительно реальной обстановки на фронте, однако эту нежелательную правду старались не замечать.

6. Тяжёлые бои у Варшавы

В конце июля 1944 года советские войска, с тяжёлыми боями продвигавшиеся на запад, подошли почти к самой Варшаве. Совсем немного оставалось до её восточной части – Праги, перед которой немцы устроили сильно укреплённый и снабжённый большим количеством артиллерии и танков район.

Варшавский укрепрайон представлял собой плацдарм на правом берегу Вислы. Его рубежи имели долговременные огневые точки, укрепления полевого типа, большое количество противотанковых и противопехотных мин и проволочных заграждений. Силы противника перед фронтом советской 2-й танковой армии насчитывали 51,5 тыс. человек, 1158 орудий и минометов, 600 танков и самоходных орудий.

Своей директивой от 21 июля 1944 года Сталин приказал командующему войсками 1-го Белорусского фронта не позднее 26–27 июля 1944 года овладеть г. Люблин, подчёркнув, что “этого настоятельно требует политическая обстановка и интересы независимой демократической Польши”. 24 июля войска 1-го Белорусского фронта освободили город Люблин.

Казалось, советское наступление проходит весьма успешно. Но ещё 18 июля 1944 года начальник тыла Красной Армии генерал Хрулёв получил доклад военного совета 2-го Белорусского фронта о катастрофическом положении с горючим в войсках. Из-за этого в частях начались перебои по доставке боеприпасов и продовольствия, поскольку плечо подвоза в один конец достигало 450 километров по плохим дорогам. Части усиления в ряде случаев даже простаивали из-за отсутствия автобензина.

Отсутствие достаточного количества транспортов с автобензином и критическое положение с горючим в войсках заставляло тыловые службы разгружать транспорта за 200 километров от войск. Не хватало и бочек для подвоза ГСМ бортовым транспортом. Дефицит бочек для горючего составил около 2500 штук.

26 июля 1944 года политуправление 1-го Украинского фронта обратилось к польскому народу с обращением о целях вступления Красной Армии в Польшу, где говорилось:

“Разгромленные в России немецкие разбойники ищут спасения на вашей земле, превращая Польшу в предполье обороны Германии.

Красная Армия не может допустить, чтобы захваченная немцами Польша служила прикрытием для фашистской Германии.

Преследуя отступающие по всему фронту немецкие войска, Красная Армия вступила на вашу землю как армия-освободительница, с единственной, благородной целью: скорее разгромить фашистскую разбойничью армию, избавить поляков от гитлеровской тирании и восстановить свободу и независимость польского государства.

Никаких других целей у Красной Армии нет.

Поляки! Не верьте лжи немецкой пропаганды, что якобы Красная армия стремится завоевать Польшу и установить в ней свои порядки. Хозяинчанье гитлеровцев в Польше воочию показало вам, что именно фашисты являются душителями свободы и независимости. Они оккупировали вашу страну, они разорили вас, они превратили вашу землю в место войны.

Нам, русским, не нужно вашей земли: у нас много своей, собственной земли. Мы не хотим навязывать вам своих порядков; устройство будущей Польши – ваше дело.

Поляки! Во имя быстрее освобождения вашей родной земли от немецких оккупантов всемерно помогайте Красной Армии. Разоблачайте немецких агентов, распространяющих ложь и сеющих панику. Помогайте частям Красной Армии поддерживать порядок.

Продолжайте свой мирный труд! Обеспечьте нормальную работу ваших предприятий, учреждений, торговли и транспорта!

Помните!

Чем скорее будет уничтожена гитлеровская армия, тем скорее наступит мир, а с ним возрождение мирной трудовой свободной жизни польского народа”.

30 июля 1944 года командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза К. Рокоссовский отдал приказ подчинённым ему войскам начать форсирование Вислы.

7. Варшава – крепкий орешек

Форсированию Вислы советское Верховное главнокомандование придавало огромное значение. В директиве Ставки ВГК (№ 220166 от 29.7.44.), направленной командующему 1-м Белорусским фронтом маршалу Советского Союза К. Рокоссовскому, указывалось: “...придавая большое значение делу форсирования Вислы, Ставка обязывает Вас довести до сведения всех командиров Вашего фронта, что бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании Вислы, получат специальные награды орденами вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза”.

В ночь с 31 июля на 1 августа 1944 года подразделения 1-й и 2-й дивизий Войска Польского, подошедшие к Висле, получили приказ форсировать реку. На левый берег надо было скрытно переправить три батальона из обеих дивизий и три роты, в том числе и штрафную. Однако переправить удалось не все части. Хотя операции придавалось не только военное, но и политическое значение, она не удалась. Оказалось, что переправочные средства были не

подходящими для форсирования такой реки, как Висла, плоты недостаточно поворотливы и тяжело управляемы. У солдат не было опыта подобных операций.

Подвели дивизионные и полковые разведчики польских дивизий. Они не добыли сведений о противнике, не произвели обычной рекогносцировки, и войска были брошены в наступление вслепую. Артиллерия не сумела уничтожить огневые точки противника, обстреливавшего переправу. На том берегу подразделения причаливались малыми группами, офицеры не знали оперативного плана, а солдаты своей конкретной задачи.

Недостойно вели себя многие командиры взводов и некоторые старшие командиры – они попяталсь и не спешили на переправу. Опоздание с началом переправы и беспорядок подорвали у рядовых доверие к командованию. “С такими командирами проиграем”, – говорили солдаты.

В одном из пехотных батальонов (2-й батальон 6-го пехотного полка) в первый день форсирования создалась паника в связи с трусостью замкомандира батальона по политчасти хорунжего Авитовицкого и замкомандира роты хорунжего Галперна, а в 5-м пехотном полку польские старшие офицеры расстреляли 12 солдат за трусость и паникёрство.

Первые действия поляков без поддержки Красной Армии показали, что польским солдатам надо ещё многому у нее научиться, – так говорили поляки после этого неудачного боя. Обо всём этом начальник политуправления 1-й армии Войска Польского подполковник Замбровский докладывал члену военного совета 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенанту Телегину, поскольку польские части входили в состав этого фронта.

Войска 1-го Белорусского фронта подошли к Варшаве 30 июля 1944 года, измотанные более чем двухмесячным непрерывным наступлением, понеся огромные потери; авиация, тяжёлая артиллерия, тылы с боеприпасами и горючим отстали.

В намерение командования никак не входила попытка взять Варшаву с ходу, а, как уже происходило в годы войны (Сталинградская операция, взятие Киева), предполагался охват её с юга и севера, для чего планировалось создание двух плацдармов на Висле.

В довершение всего, немцы 30 июля начали мощное контрнаступление северо-восточнее Варшавы на правом берегу Вислы, нанеся тяжёлое поражение советским войскам, срезав их клин и заставив отступить на десятки километров (из двухсот пятидесяти танков 3-го гвардейского танкового корпуса осталось всего пятьдесят девять!).

Как в те дни отмечал в своем рабочем дневнике начальник немецкого Генерального штаба генерал-полковник Гудериан, его больше всего беспокоило наступление русских. Их надо было остановить во что бы то ни стало.

Но в начале августа русские, наконец, выдохлись. Их удалось задержать на подступах к Варшаве. Хотя это далось с большими потерями.

Генерал-лейтенант фон Типпельскирх, командовавший 4-й немецкой армией, разгромленной в боях под Варшавой, позже записал в своём дневнике: “К 1 августа... сила русского удара уже иссякла и русские отказались от намерения овладеть польской столицей с ходу...”.

Самое же главное состояло в том, что ни советское командование, ни правительство ничего не знали о готовящемся восстании. Оно началось 1 августа, а польский премьер-министр Миколайчик, находившийся в то время в Москве, сообщил о нём Сталину лишь третьего числа.

Советская 8-я гвардейская армия, совместно с 1-й армией Войска Польского, именно 1 августа сумела создать плацдарм южнее Варшавы, в районе Магнушева. Но воины этих частей ничем не могли помочь Варшаве, они отбивали непрерывные атаки немцев, обороняясь и пытаясь расширить плацдарм.

30 июля командующий 2-й танковой армией генерал Радзиевский докладывал командующему войсками 1-го Белорусского фронта Рокоссовскому о наличии Варшавского укрепленного района и о своём решении наступать на Прагу – предместье Варшавы. Он писал:

“Убедительно прошу:

1. Ударом бомбардировочной авиации смести с земли Минск-Мазовецкий, где установлено сосредоточение около 100 танков и самоходных орудий.
2. Прикрыть истребительной авиацией р-н армии.
3. Наша авиация совершенно бездействует.

4. Ускорить подачу горючего и масла.
Начинаю выдыхаться”.

Ситуация, в которой оказалась 2-я танковая армия, вполне объяснима. Пройдя с тяжёлыми боями несколько сот километров, завершив операцию “Багратион” и выйдя на польские земли, войска потеряли не только огромное количество личного состава, боевой техники, израсходовали боеприпасы и все запасы продовольствия и горючего, но и люди совершенно измотались. Было огромное количество раненых и больных, войска были истощены.

На 4 августа 1944 года во 2-й танковой армии оставалось 344 танка разных моделей (половина из них – Т-34), при штатной численности армии – свыше 500 боевых машин.

Когда в июле 1944 года войска маршала Рокоссовского подошли к Варшаве, немцы, поняв всю опасность выхода советских войск на берлинское направление, срочно перебросил из Италии и с Балкан танковые дивизии “Викинг”, “Мёртвая голова” и “Герман Геринг”.

Эти соединения, располагая почти тысячью танков, наголову разбили советскую 2-ю танковую армию. Об этом тяжёлом случае маршал Рокоссовский, не скрывая подробностей, откровенно рассказал 26 августа английскому военному корреспонденту “Санди Таймс” и Би-Би-Си известному писателю Александру Верту: “Если бы немцы не бросили в бой всех этих танков, мы смогли бы взять Варшаву, но шансов на это никогда не было больше 50 на 100”.

Александр Верт в своих военных очерках приводит полностью этот разговор с советским маршалом:

“Рокоссовский: После нескольких недель тяжёлых боев мы подошли примерно 1 августа к окраинам Праги. В тот момент немцы бросили в бой четыре танковые дивизии, и мы были оттеснены назад.

Верт: Думали ли вы 1 августа, что сможете уже через несколько дней овладеть Варшавой?

Рокоссовский: Если бы немцы не бросили в бой всех этих танков, мы смогли бы взять Варшаву, но шансов на это никогда не было больше 50 на 100...

Верт: Было ли Варшавское восстание оправданным в таких обстоятельствах?

Рокоссовский: Нет, это была грубая ошибка. Повстанцы начали его на собственный страх и риск... Вооружённое восстание в таком месте, как Варшава, могло бы оказаться успешным только в том случае, если бы оно было тщательно скоординировано с действиями Красной Армии.

Правильный выбор времени является здесь делом огромной важности. Варшавские повстанцы были плохо вооружены, и восстание имело бы смысл только в том случае, если бы мы были уже готовы вступить в Варшаву. Подобной готовности у нас не было ни на одном из этапов... Обстоятельства были неблагоприятны для нас. На войне такие вещи случаются...

Рок: Но у вас есть плацдармы к югу от Варшавы.

Рокоссовский: Нам очень трудно их удерживать, и мы теряем много людей. Учтите, что у нас за плечами – более двух месяцев непрерывных боёв. Мы освободили всю Белоруссию и почти четвертую часть Польши; но ведь и Красная Армия может временами уставать. Наши потери были очень велики».

8. Восстание будет! Так решил Лондон

За несколько дней до начала восстания генерал Бур-Коморовский устроил совещание, на котором выступил с патетической речью: “Пять лет Польша ждёт сигнала “Буря” – начала восстания. И теперь я горд, что именно мне, генералу Буру, выпало счастье дать этот сигнал... Должен вас уверить, панове, что момент для этого выбран наиболее удобный – советские войска заняли Минск-Мазовецкий и через несколько дней будут в Варшаве. К этому времени в столице Польши должно быть законное правительство...”

На совещании кроме Бура и Монтера были вице-премьер Я. Янковский и три министра, обязанности которых были пока не ясны. Этаким греческий хор, подпевающий начальству.

Однако командующий подпольным варшавским корпусом полковник Монтер приземлил генеральскую патетику, почтительно доложив обстановку: боеприпасов хватит, в зависимости от напряжённости боёв, на трое-четверо

суток. Продовольствия же – максимум на неделю. Можно ли начинать восстание с такими ничтожными запасами? В Варшаве насчитывается сорок тысяч солдат Армии Крайовой. (Это было явным и огромным преувеличением. Позднее сами же польские исследователи точно установили – аковцев было не более пяти тысяч. Вооружённых среди них – только половина).

Это вскоре косвенно подтвердил прибывший в Москву Миколайчик, прося у Сталина вооружения, боеприпасов и продовольствия только на три тысячи человек. (Однако цифру в сорок тысяч предварительно согласовали ещё в Лондоне – для солидности.)

Но Бур-Коморовский был упрям. – Безразлично, – говорил он. – Нас поддерживает Черчилль. Он сумеет нажать, где надо. Должны же русские считаться со своими союзниками... Важнее всего сообщить сейчас в Лондон, что восстание началось...

Однако что-то заставило генерала задуматься. Он снова обратился к Янковскому:

– Может быть, нам следовало бы все-таки задержать восстание на несколько дней?

– Ни в коем случае!.. – возразил Янковский. – Не сегодня-завтра русские будут в Варшаве.

– А если не будет? – эта мысль постоянно беспокоила Бура, но только теперь он высказал её вслух. – За пять недель непрерывного наступления советские войска прошли с боями около шестисот километров. Что, если они выдохнутся и остановятся перед Варшавой?

– Нет! Не говорите мне этого!.. – и Янковский истерически выкрикнул: – Пусть они останавливаются, когда вступят в Варшаву. Но...

Лондонский посланец не договорил. И он, и Бур внезапно почувствовали, как зыбко и неопределенно их положение. В самом деле, что, если советские войска не подспеют в Варшаву?

Ведь немцев в городе не везде удастся захватить врасплох. Они будут активно сопротивляться, и вскоре их сопротивление, несомненно, возрастет. Смогут ли повстанцы, вооружённые лишь лёгким оружием, отбить их атаки? Ведь всё держится на волоске...

Решили послать радиogramму в Лондон: “Буря” начинается по плану и в Варшаве ждут оружия. Нужны патроны, автоматы, противотанковые гранаты, пулемёты, словом – всё.

Но неожиданно оказалось, что главный радиопередатчик повреждён, а другие стоят без ламп. Впрочем, есть полевые рации, и можно связаться с русскими.

– С большевистским командованием нам связываться незачем, – отрезал Бур. И продолжил внушительным тоном: – С советским правительством дипломатические отношения прерваны... Мы не можем вступать в переговоры с Советами...

Тогда слово снова взял посланец лондонских поляков Янковский.

Он начал с того, что решил утвердить своё высокое амплуа, заявив:

– Панове, о создании нашего правительства в Варшаве официально объявлено. Вот что вчера сообщило лондонское радио.

(Всё это было игрой. Сообщение лондонского радио было составлено ещё в Англии, и Янковский привёз его с собой.)

Лондонец достал из кармана густо исписанный лист бумаги и откашлявшись, прочитал:

“В подпольной Польше действует заместитель премьер-министра польского правительства и три министра. Их имена известны английскому правительству. Мы уверены, что они будут признаны полноправными представителями законной государственной власти и выразителями воли нации...”

Пан Янковский довольно быстро вошёл в свою роль заместителя главы правительства. Чаще, чем требовалось, он употреблял фразу, выводившую из себя генерала Бура-Коморовского: “Я, как представитель верховной власти...”

Когда полковник Монтер снова напомнил, что у повстанцев мало оружия, боеприпасов и продовольствия, рискованно начинать восстание, Янковский прервал его:

– Я, как представитель верховной власти, настаиваю, что надо выступить немедленно... Нам необходимо подкрепить позиции пана премьер-министра Миколайчика, который сейчас находится на пути в Москву.

Но главное пан Янковский приберег под конец:

– На прошлой неделе британский премьер совещался с Миколайчиком, и они наметили единый план действий. Миколайчик полетит в Москву для переговоров с большевиками, а тем временем в Варшаве, как бы стихийно, вспыхнет восстание...

Он, Янковский, возглавит правительство, которое немедленно признают в Лондоне и Вашингтоне. Это уже согласовано... Таким образом, Польский комитет национального освобождения, который объявил себя временным демократическим правительством, потеряет своё значение.

– Поэтому, господа, нельзя откладывать восстание, – заключил Янковский. – Его цели имеют скорее политическое, чем узковоенное значение. В приказе генерала Бура войскам Армии Крайовой мы кое-что говорим о наших отношениях к большевикам. Надо охладить пыл нашего мужичья, которое слишком восторженно встречает Красную Армию.

Буру-Коморовскому явно не понравилось, что Янковский подчеркнул, что приказ написан не генералом. Напрасно. Ведь именно он постоянно старался поддерживать антирусские и антисоветские настроения в Армии Крайовой, хотя было это нелегко. Именно он приказал начать диверсионную борьбу в тылу советских войск. Именно он распорядился проводить карательные меры против советских партизан и вообще левых элементов силами Армии Крайовой.

И Бур решил исправить впечатление, оставшееся у собравшихся после слов Янковского.

– Властью, возложенной на меня Богом и правительством, – торжественно произнёс он, – я начинаю вооружённую борьбу за восстановление польского государства. Мы не можем допустить, чтобы стихия затянула нас в свой водоворот.

Под стихией генерал Бур подразумевал наступление советских войск.

– За несколько недель они продвинулись на запад больше чем на пятьсот километров. Мы заинтересованы в том, чтобы вести самостоятельную политику. Мы будем её проводить. Именно об этом сказано в приказе, который сегодня я подписал.

Коморовский подчеркнул слова “я подписал” и прочитал выдержку из приказа.

– “С одной стороны, – читал он, – советские войска являются могучим союзником против немцев, но с другой стороны, они опасны, поскольку могут сломить нашу принципиальную и независимую позицию. Поэтому офицерам Армии Крайовой всех степеней запрещается вести какие бы то ни было политические переговоры с русскими. Разногласия во взглядах между поляками и русскими столь велики, что всякие переговоры будут бесцельны”.

В постановлении этого совещания: “...было признано, что Варшава должна быть освобождена... польским солдатом, вступающие в Варшаву советские войска должны найти её в польских руках и быть поставлены перед фактом присутствия польских гражданских и военных властей как законных хозяев столицы республики”.

Но был и ещё один приказ, привезённый Янковским из Лондона, датированный 25 июля. В нём генерал Соснковский предлагал оставить под советской оккупацией новое, немногочисленное, но старательно подобранное подполье; командующий АК назначил генерала Окулицкого руководителем организации, ставшей известной под названием “Nie” (“Неподлежность” – “Независимость”). В этом было выражение глубоко спрятанного, но вполне обоснованного сомнения в успехе предпринятой авантюры.

В случае вступления советских войск в Польшу и выхода из подполья генерала Коморовского со своим штабом генерал Окулицкий должен был оставаться в подполье вместе с выделенными в его распоряжение кадрами.

9. Немцы знали

С самого начала возникновения сил сопротивления в Польше все их действия находились под неусыпным контролем спецслужб Германии. Специально засланные агенты и перевёрбованные в большом количестве участники польского подполья постоянно поставляли самую свежую и полную информацию о деятельности участников сопротивления.

Ещё в мае 1943 года гестапо арестовало начальника разведки АК по району Познань. Он неосмотрительно имел при себе весьма важные документы о деятельности подполья, и, кроме того, спасая жизнь, дал детальные сведения о планах подготовки восстания. Немецкой контрразведке удалось даже внедрить несколько агентов в штаб-квартиру АК в Варшаве. Ближайшим помощником Бура-Коморовского была красивая женщина, полька-патриотка. Она регулярно делала фотокопии всех проходящих через её руки документов и через тайник переправляла немцам. Те платили ей продуктами и обеспечивали охрану её семьи. Точнее – семья “патриотки” находилась в заложниках.

Со стороны абвера и гестапо были и попытки вступить в непосредственные переговоры с руководством Армии Крайовой. В феврале 1944 года в Вильно, где первоначально планировалась первая фаза восстания, руководитель местного отделения абвера майор Христиансен встретился с местным командиром АК генералом Кржижановским.

Абверовец, уполномоченный главным командованием сухопутных войск, пытался достигнуть соглашения, которое, возможно, позволило бы снабжать польских повстанцев немецким оружием и боеприпасами. Это давало бы возможность создать общий антибольшевистский фронт. Но переговоры результатов не дали, польский генерал был весьма самонадеян и полагал, что справится сам – и с немцами, и с большевиками...

С весны 1944 года руководитель реферата по Швейцарии 6-го управления РСХА Хайнц Фельфе ежедневно получал из криптографической службы верховного командования вермахта пакет с расшифрованными радиопереговорами между польским эмигрантским правительством в Лондоне и миссией Польши в Берне.

Специалистам из упомянутой службы удалось раскрыть применяемый поляками радиокод, и немцы смогли прочесть накопившиеся за несколько лет перехваченные, но не расшифрованные радиограммы.

Кстати, немецкие дешифровщики раскрыли и коды, которыми пользовались сотрудники английского и американского посольств в Швейцарии.

Было небезынтересно ретроспективно оценить правильность давно сделанных прогнозов предстоящих тогда событий, а вместе с тем политическую компетентность и трезвость взглядов отправителей радиограмм. При их сопоставлении с текущими радиограммами для Фельфе было важно установить, что автор, скажем, польский военный атташе в Берне, в течение ряда лет придерживался того или иного мнения, а сейчас изменил его или в своих прогнозах проявил недостаточную точность.

Обработка этих сведений давала такой хороший урожай, что Фельфе отказался от оперативных мероприятий против польской миссии в Берне. Все необходимые подтверждения к получаемым материалам давала немцам интимная подруга военного атташе, швейцарка, жившая в Варшаве.

Эта привлекательная молодая женщина была родом из Женевы, но уже в течение длительного времени жила в Варшаве, где её врасплох застала война. С помощью немецкой разведки она основала там торговую фирму. Они же помогли ей получить соответствующие экспортные лицензии. Таким образом, она могла, не вызывая подозрений, ездить из Варшавы в Швейцарию через Берлин, чтобы оформлять свои дела. То, что её приватные визиты к польскому военному атташе в Берне организовывались и финансировались немецкой разведкой, до конца войны оставалось атташе неизвестным.

Был и ещё один аспект польско-немецких отношений, до этого хранившийся в абсолютной тайне и ставший известным совсем недавно.

В польских архивах был обнаружен документ, который, скорее всего, был известен и раньше – просто он не обнародовался. О нём упорно молчали. Слишком уж невыгоден был он для поляков, поскольку пятнал белые ризы польских патриотов-лондонцев.

И если бы не произошла утечка и данный материал не опубликовала немецкая газета “Цайт”, поляки прятали бы его по сей день, а широкая общественность так и не узнала бы правды о польских генералах-коллораборационистах, продолжая считать их национальными героями и называя их именами улицы городов.

Из этого документа было легко понять, как готовилось восстание, и как цинично лондонские политики сделали разменной монетой жизни сотен тысяч варшавян в своей жажде вернуться во власть.

Ещё в середине июня 1944 года в пригороде Варшавы (в Юзефове) состоялась встреча офицера немецкого Главного управления безопасности (РСХА) гауптштурмфюрера СС Пауля Фухса с командующим АК Т. Бур-Коморовским.

На этих переговорах присутствовал немец-переводчик, впоследствии завербованный поляками. Он вёл подробную запись хода переговоров:

Фухс: Приветствую вас, пан генерал. Я очень рад, что вы согласились принять моё приглашение. Ещё раз хочу заверить вас, что в соответствии с джентльменским соглашением вы можете чувствовать себя свободно и в полной безопасности.

Бур-Коморовский: Уважаемый пан, если позволите вас так называть. Я в свою очередь хотел бы поблагодарить вас за данные мне гарантии.

Фухс: Пан генерал, до нас дошли слухи, что вы намерены объявить о начале восстания в Варшаве 28 июля и что в этом направлении с вашей стороны ведутся активные приготовления. Не считаете ли вы, что такое решение повлечёт за собой кровопролитие и страдания гражданского населения?

Бур-Коморовский: Я только солдат и подчиняюсь приказам руководства, как, впрочем, и вы. Моё личное мнение не имеет здесь значения, я подчиняюсь правительству в Лондоне, что, несомненно, вам известно.

Фухс: Пан генерал. Лондон далеко, они не учитывают складывающейся здесь обстановки, речь идёт о политических склоках. Вы лучше знаете ситуацию здесь, на месте, и можете всю информацию о ней передать в Лондон.

Бур-Коморовский: Это дело престижа. Поляки при помощи Армии Крайовой хотели бы освободить Варшаву и назначить здесь польскую администрацию до момента вхождения советских войск. Хотим объявить об этом как о свершившемся факте, который сыграет решающую роль в будущей судьбе Польши. Хотел бы выразить уверенность, что это является неопровержимым аргументом.

В то же время, я должным образом оцениваю ваше беспокойство, которое и я лично разделяю. Вместе с тем я готов предложить вам компромиссный вариант: немцы выводят свои войска за пределы Варшавы в установленные нами сроки. Командование Армии Крайовой и Делегатура правительства берут власть в Варшаве в свои руки, обеспечивая порядок и спокойствие в городе.

Могу заверить вас, что подразделения Армии Крайовой не будут преследовать немецкие войска, покидающие Варшаву. Тем самым всё может обойтись без кровопролития.

Фухс: Пан генерал, я полностью понимаю мотивы, которые движут вами. Это вопрос престижа, а не рассудка... Отдаёте ли вы себе отчёт в том, что Советы после захвата Варшавы всех вас расстреляют за сговор с немцами, а Советам в этом помогут польские коммунисты, которые, несомненно, захотят перехватить инициативу?

Бур-Коморовский: Несомненно, то, о чём вы говорите, может иметь место. На этом полигоне поляки превратились в подопытных кроликов. Я же только солдат, а не политик, меня учили беспрекословно выполнять приказы. Я знаю, что вам известны места, где я скрываюсь, что каждую минуту меня могут схватить. Но это не изменит ситуации. На моё место придут другие, если Лондон так решил, восстание, несомненно, начнётся.

Фухс: Пан генерал, не буду больше испытывать ваше терпение, хотел бы поблагодарить вас за беседу, содержание которой передам руководству в Берлин. А теперь позвольте попрощаться с вами... "

На этих переговорах генерал Бур выглядел (судя по протокольной записи) вполне достойно. Казалось, беседу вели равные противники, офицеры-джентльмены. Но поляк откровенно блефовал. За ним не было ничего. Все его "вооружённые силы" составляли несколько тысяч человек, снабжённых лёгким и самодельным оружием.

По последним, тщательно проверенным (польским) данным, накануне Варшавского восстания отряды Армии Крайовой имели только 1000 винтовок, 60 ручных и 7 станковых пулемётов, 300 автоматов (из них каждый третий собственного производства. Поляки называли их "Блыскавица" – "Молния"), 20 противотанковых ружей, 1700 пистолетов и револьверов, 15 миномётов и около 25 тысяч ручных гранат (в том числе 95% собственного производства, так называемых "филиппинок". Эти кустарные изделия разрывались через одну – общий конструктивный дефект взрывателя).

Можно ли было начинать восстание с такими силами и с таким вооружением? Явно – нет. Для более-менее длительной борьбы полякам требовалось значительно большее количество боеприпасов и вооружения. Кроме того, ничтожными были запасы продовольствия, и почти совсем не было медикаментов и перевязочных средств.

Всё это прекрасно понимали англичане, но не поляки. Ещё в середине 1943 года специальные представители при штабе главного командования Армии Крайовой в Лондоне английские полковники Бари и Перкинсон в докладе своему руководству отмечали, что не может быть и речи о какой-либо существенной поддержке вооружением подразделений АК в Варшаве или же о высадке десанта ввиду недостаточного количества самолётов и отсутствия баз, расположенных поблизости от польской столицы.

Подобное заключение было сделано более чем за год до планируемого восстания. Англичане совершенно не желали обострения отношений с Советским Союзом. Они даже исключили лелеемую поляками операцию “Буря” из своей общей стратегии и ограничили размер помощи, поступающей для АК в Польшу по воздуху.

9. Начало восстания

26 июля 1944 года начальник разведывательного отдела штаба 9-й армии вермахта полковник Лангман докладывал в штаб группы “Центр”:

“По сообщениям источника информации, польскому движению сопротивления объявлена степень боеготовности 2 (готовность). Требуется повысить внимание. Усилить охрану складов (особенно вооружения и боеприпасов) от нападений. Боевому коменданту предпринять требуемые меры в районе Варшавы при согласовании с местными служебными инстанциями.

Полковник Лангман”.

Через несколько часов в штаб группы “Центр” поступило новое, более полное, сообщение:

“АК включает в себя, главным образом, национальную молодежь высшего круга. Она видит свою задачу в обучении, вооружении и подготовке к национальному восстанию. В лесу Луков, в 20 км южнее Седльце проводились полуторамесячные курсы, после которых люди распускались и производился новый набор.

АК считает своими противниками русских и нас. Большое воздействие оказала искусная пропаганда, что Россия, США и Англия пришли к соглашению о создании самостоятельной Польши.

В соответствии с этим нельзя рассчитывать на поддержку немецких войск.

С другой стороны, АК отказалась от связи с Национальным польским освободительным комитетом в Москве. Ожидается, что АК в ближайшее время будет придерживаться выжидательной тактики. Крупного восстания не ожидается.

Передано 26.7.1944 г. Майор...” (подпись неразборчива).

Вроде бы опасаться особенно нечего, но многочисленные немецкие агенты в польском сопротивлении продолжали передавать тревожную информацию. Уже через день (28 июля) в немецкий штаб поступило следующее донесение:

“По непроверенным данным, поступившим от доверенного лица, польское движение сопротивления (АК) предусматривает вооруженной силой предотвратить разрушение мостов и важнейших сооружений при отходе немецкой армии. Проведение других активных действий против немецких войск до сих пор не предусматривалось.

Напротив, коммунистическое движение по указаниям Советов усилило призывы к восстанию за освобождение Польши.

Начальник штаба армии. Подпись: Лангман”.

Первого августа около девяти утра гауптштурмфюрер СС А. Шпилькер встретился на конспиративной квартире с посланцами эмигрантского правительства. В бурной дискуссии Шпилькер пытался побудить поляков отменить восстание. Но они стояли на своём – Лондон требовал. А Миколайчик уже был в Москве.

Вскоре после 11 часов немец вернулся в свой служебный кабинет со словами: “Теперь начнётся!”

Немцы знали многое и активно готовились. Ещё 23 июля 1944 года – за неделю до начала восстания – военный комендант Варшавы издал приказ, в котором предписывалось всему женскому персоналу военных учреждений в тот же день покинуть Варшаву.

Когда же восстание началось, все немецкие учреждения немедленно заняли круговую оборону, как это было предусмотрено в случае нападения, и начали защищаться. И это оказало своё действие. В результате только немногие немецкие учреждения сдались после круговых атак врага, как, например, гарнизон здания, где размещалось командование Варшавского округа. В основном все немецкие учреждения продержались до подхода подкреплений.

Как видим, немцы были предупреждены и сумели прекрасно подготовиться – убрали лишних людей, подготовили оборону объектов. Взять с наска аковцы их так и не смогли.

Казалось, всё окончится пустяком, но вечером 1 августа 1944 года поступило срочное сообщение: “После утреннего относительного спокойствия и малого количества прохожих на улицах, после полудня на улицах сильное оживление. Большие толпы народа на Эрлезерплатц и прилегающих улицах. На дороге, ведущей в Радом, на окраине города попадают много молодых людей с сумками и мешками с хлебом, направляющихся на юг.

Около 16 часов полиция безопасности объявила о приведении в полную готовность.

Около 17 часов над центром города появилось два столба чёрного дыма. Между 16 и 17 часами – многочисленные перестрелки в разных районах города.

Во многих местах улицы перегорожены баррикадами. Поперёк улиц во многих местах повалены трамваи и построены баррикады. Транспортные средства передвигаются под охраной.

Неподтвержденное сообщение, что аэродром Окоцие (правильно – Окенче) был атакован 300 бандитами”.

Без подписи.

Рабочий день в Варшаве заканчивался в пять часов. К этому времени все улицы заполнялись людьми, спешащими после работы домой. Поэтому в толпе были почти незаметны люди в брезентовых плащах и рабочих комбинезонах, карманы которых оттопыривались от запасов патронов, а то и от самодельных больших гранат, так называемых “филиппинок”.

В суконных кепках с мягким козырьком, с рюкзаком, перекинутым через плечо, эти люди ходили на жителей варшавских окраин, спешащих с работы на пригородный поезд. Это были солдаты и офицеры подпольной повстанческой армии, которые должны были принять участие в намеченном восстании.

В тот день, 1 августа 1944 года, все варшавские магазины, как по команде, закрылись ровно в 15 часов. Это было странно, поскольку оккупационные власти никаких распоряжений по этому поводу не давали.

Прошло ещё совсем немного времени, и на улицах города началась беспорядочная стрельба. В немецкой комендатуре дежурный офицер отметил: произошло это ровно в 16 часов 50 минут по берлинскому времени. Через несколько десятков минут стрельба распространилась по большей части города.

К вечеру того же дня комендант города генерал-лейтенант Штагель сделал заявление: “С настоящего момента я объявляю в городе Варшава осадное положение. По гражданским лицам, которые будут появляться на улицах, будет открываться огонь. Здания и сооружения, из которых по германским гражданам будет вестись стрельба, будут немедленно стёрты с лица земли”.

Это заявление, напечатанное типографским способом, было расклеено на афишных тумбах и стенах домов. Но его уже никто не читал. Всю польскую столицу охватило пламя восстания.

10. Борьба за Варшаву

Уже 2 августа повстанцы стали контролировать значительную часть города, но целый ряд важных зданий, мосты через Вислу, вокзал и аэродром Окенче взять не удалось. Но всё же успехи были. В лесах северо-западнее Варшавы крупный отряд АК, насчитывавший почти 300 всадников, разоружил

немецкое подразделение. Уверенность в быстрой победе у поляков была так велика, что всех захваченных немцев они со своими пропусками отправили назад в крепость Модлин.

Потери повстанцев и потери противника были значительными. У аковцев стали кончатся боеприпасы. Их резерв был всего на несколько дней боев. Начались и трения между различными представителями разных политических направлений.

Агенты абвера сообщали своему начальству, что уже возникли большие разногласия между национальным движением сопротивления в Варшаве и отрядами, действующими в сельской местности, договор с Советским Союзом воспринимается с очень разными чувствами.

К тому же нападавшие были встречены организованным огнём частей гарнизона. А ровно через час после начала восстания рейхсфюрер СС Г. Гиммлер направил на помощь варшавскому гарнизону соединения полиции и части ваффен-СС из Познани.

Опомнившиеся немцы довольно быстро организовались. С помощью своих информаторов из числа восставших они довольно быстро определили, что организованных и подготовленных подразделений противника, по-видимому, не достаточно, чтобы перекрыть все улицы города, а очистить город от немцев можно только путём привлечения значительных сил.

3 августа Бур-Коморовский мажорно сообщал в Лондон, что “сопротивление противника почти сломлено”, а уже на следующий день он же передал, что “характер борьбы за Варшаву меняется ввиду того, что кончаются боеприпасы”.

В сущности, оперативная инициатива уже через несколько дней перешла в руки немцев, которые при помощи стянутых отовсюду сил полиции, СС, армии, в том числе танков, артиллерии и авиации, начали расправляться с восставшей Варшавой.

Главари восстания не ожидали такого решительного отпора. Поэтому, после первых дней наступления на немецкие объекты, командование восстанием выбрало своей тактикой “дефензиву” (оборону).

В результате этого район восстания был сжат и образовались отдельные повстанческие островки, совершенно отрезанные друг от друга и державшие между собой связь единственно через каналы. Жители Варшавы вместе с солдатами Армии Крайовой поднялись на врага, ничего не подозревая о заговоре штабных спекулянтов, отщепенцев и политиканов. С востока уже доносились отдалённые раскаты советских орудий. Советская Армия вместе с Войском Польским приближалась к Варшаве. Все это знали и борьбу, вспыхнувшую на улицах и площадях города, воспринимали как единый, совместный удар по врагу, одинаково ненавистному полякам и русским.

Именно на такую реакцию измученного оккупацией варшавского населения и рассчитывали лондонские провокаторы.

В этот же день руководители восстания решили послать радиogramму в Лондон:

“Борьба за Варшаву началась 1 августа в 17.00 часов. Учитывая это, настаиваем, чтобы помощь советских войск была нам оказана незамедлительно в виде решительных атак извне.

Бур. Командующий польской Армией Крайовой”.

Немцы же, слегка обескураженные первым ударом, всё активнее стали оказывать организованное сопротивление. Борьба шла на отдельных разрозненных и изолированных друг от друга участках. И общей картины борьбы представить было невозможно. Со многими районами связь так и не была налажена.

События в Варшаве развивались, минуя главнокомандующего и его штаб. Генерал Бур-Коморовский только делал вид, что он как-то влияет на ход событий, руководит восстанием. На самом же деле этого не было.

Бур и лондонский вице-премьер Янковский могли лишь наблюдать за восстанием с крыши фабрики Камлера. Бур оказался генералом без армии. С крыши он наблюдал за боями в отдельных районах города. Варшава продолжала сражаться, но генерал Бур был здесь ни при чём. Тем не менее, он счел нужным сказать своим штабным приближенным:

– События развиваются строго по плану. Будем ждать донесений. И наладьте, наконец, связь с Лондоном. . .

Только к концу второго дня восстания удалось восстановить связь с Лондоном. Бур приказал, прежде всего, передать вчерашнее донесение. Это имело первостепенное значение. Только добавил, что второй день восстания принёс новые успехи АК — захвачено несколько кварталов.

Но на третий день продвижение повстанцев остановилось. Немцы прочно удерживали свои позиции и ввели в действие авиацию.

Бур отправился с инспекцией. На одной из баррикад он громко, чтобы слышали все, заговорил:

— Я дал указания в Лондон, в какие кварталы надо сбросить оружие. — Генерал врал привычно и нагло. — Может быть, британские самолёты сейчас уже подходят к Варшаве... — И, чтобы ещё больше поднять боевой дух защитников баррикады, Бур добавил: — За двое суток борьбы мы освободили большую часть нашей столицы. Сейчас две трети Варшавы в руках Армии Крайовой... Мы освободили её своими силами. Законное правительство может уже переехать из Лондона...

Был общий восторг. Никто ведь не допускал, что польский генерал может так нагло врать.

Генерал вернулся на фабрику Камлера. Началась передача из Лондона. Его вела радиостанция “Свит” (“Рассвет”).

Уже в третий раз сообщали о положении в Варшаве. Диктор говорил торжественным, суровым голосом: “Первого августа в семнадцать часов части Армии Крайовой вступили в открытое сражение с германскими войсками за овладение Варшавой...”

Но к предыдущим сообщениям прибавилось и кое-что новое: “Командующий Армией Крайовой генерал Бур сообщает, что бои на улицах Варшавы развиваются успешно. Маршалковская улица — главная артерия города — в наших руках... Варшава борется пока одна. Советские пушки ещё не приблизились к стенам Варшавы. Связи с Красной Армией в данный момент нет”.

Затем последовал комментарий непосредственно из Лондона.

“Президент республики, — передавал диктор, — сегодня утвердил созданный в Польше совет министров. Он начал свою деятельность и является единственной конституционной властью в границах всей Польской республики”.

Стало ясно, что в Лондоне торопились поставить заявочный столб. Это заявление было направлено против правительства, которое действовало в Польше на территории, освобожденной Советами. “Значит, восстание уже даёт свои результаты...” — подумал Бур.

Затем последовала и ещё одна информация: “Английский лётчик, бежавший из немецкого плена и сражающийся сейчас в рядах Армии Крайовой, сообщает...”

Этим “английским лётчиком, бежавшим из плена”, был британский военный советник при штабе Армии Крайовой. Со специальным поручением он прилетел прямо из Лондона.

Наконец удалось наладить связь между отдельными участками сопротивления. Повстанцы с помощью жителей проложили сравнительно безопасные ходы сообщений. Теперь они тянутся на десятки километров из подвала в подвал, через узкие проломы в стенах. Глубокие траншеи пересекают улицы, кое-где для связи пользуются знаменитыми варшавскими катакомбами.

Но неожиданно поступило известие, что стали кончатся патроны. Люди совсем не умели экономить боеприпасы. В некоторых отрядах осталось всего по одной обойме на винтовку. Шли только третьи сутки восстания, а воевать было уже нечем.

В штабе Бура включили радио. Дикторша говорила: “В заключение послушайте лёгкую музыку...” — комната наполнилась звуками танго.

Английский советник привёз специальный новый радиокод. При его помощи из Лондона должны были сообщать о вылете самолётов с оружием. Мелодичная песенка “Красный пояс” будет означать, что этой ночью прилетят английские самолёты. Но радиостанция “Свит” передавала танго. Это значило: “Сегодня ночью никаких полетов”.

Бур размышлял: “Если президент утвердил состав правительства в Варшаве — значит, главное состоит в том, чтобы удержаться в столице... Хотя бы на территории фабрики Камлера. Это имеет символическое значение... Приходят русские, — а мы уже здесь, законная власть, и пляшем мазурку... Поэтому надо просто удержаться...”

Англичанин сказал: “Сейчас не так важен успех, как отсутствие поражения...”.

На третьи сутки Варшавского восстания батальоны Армии Крайовой получили приказ закрепиться на занятых рубежах. Во всех секторах повстанцы перешли к обороне...

11. Первые итоги

Как это ни странно, восстание больше всего было на руку немцам. Хотя первую неделю у восставших были даже признаки какого-то успеха. Но немцы понимали – это ненадолго.

И, поразмыслив, рейхсфюрер СС решил, что с исторической точки зрения, ввиду высшего блага нацистского государства, восстание является благом для Германии.

Гиммлер доложил Гитлеру: “...пять-шесть недель боев, но зато будет ликвидирована Варшава – столица, голова и интеллект этого бывшего 16–17-миллионного народа поляков, народа, который уже 700 лет блокирует нам дорогу на Восток”.

Гитлер это воспринял благосклонно. Возможно, он вспомнил ту свою речь на ужине, собравшем самых близких соратников 22 августа 1939 года, когда он пообещал своим приближенным:

– Польша будет обезлюжена и населена немцами... А в дальнейшем, господа, с Россией случится то же самое... Мы разгромим Советский Союз. Тогда наступит немецкое мировое господство...

И Геринг, придя в восторг от этих слов, сбросил с себя мундир, вскочил полуголый на стол и плясал на нём, изображая дикаря.

Неприятным для рейхсфюрера СС Гиммлера было другое: незадолго до начала восстания его люди из Главного управления имперской безопасности в полной тайне вели с пленными высшими офицерами АК переговоры о совместной борьбе с большевиками.

Теперь сам факт таких переговоров мог сильно скомпрометировать Гиммлера в глазах Гитлера. Допустить этого он не мог. Поэтому поступил приказ: немедленно расстрелять партнеров по переговорам, среди которых находился и бывший командующий АК С. Ровецкий.

(Окончание следует)